

К 63.2-8 9/2/14

С 29

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КОСТРОМСКОГО
ИСТОРИКО-ПРАВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

11574

ИВАНЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ БОШНЯКЪ,

КОМЕНДАНТЪ ГОРОДА САРАТОВА,

въ 1774 г.

I.

Въ 3-й тетради сборника «Др. и Нов. Россія» 1877 г. помѣщена интересная статья Я. К. Грота: «Эпизодъ изъ Пугачевщины», заключающая въ себѣ, между прочимъ, провѣренное по подлиннымъ документамъ описаніе бывшаго въ концѣ 1774 г. столкновенія или бывшихъ пререканій между гвардіи поручикомъ Гаврииломъ Романовичемъ Державинымъ и саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Иваномъ Константиновичемъ Бошнякомъ, по поводу защиты города Саратова отъ Пугачева.

Изъ статьи Я. К. Грота, изъ «Исторіи Пугачевского бунта», составленной А. С. Пушкинымъ, а равно и изъ документовъ, касающихся пугачевской смуты, помѣщенныхъ въ V томѣ сочиненій Державина, изд. Императорской Академіи Наукъ 1869 г., мы знаемъ объ этихъ пререканіяхъ слѣдующее:

По принятіи генераль-аншефомъ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ главнаго начальства надъ губерніями, гдѣ свирѣпствовалъ возбужденный Пугачевымъ и его сообщниками мятежь, и надъ войсками, туда посланными, и по занятіи мятежниками городовъ Курмыша, Саранска и Пензы,—Пугачевъ, поставивъ воеводою въ послѣднемъ городѣ господскаго мужика, пошелъ къ Саратову.

Саратовское начальство встрепенулось и стало готовиться къ возможному нашествію на городъ мятежниковъ.

Командантомъ Саратова былъ полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, по словамъ Я. К. Грота, родомъ славянинъ изъ Македоніи ¹⁾, а главнымъ судьей конторы опекуинства иностранныхъ колонистовъ — ст. совѣтникъ Лодыжинскій, по чину старше коменданта. Около половины іюля мѣсяца 1774 г., т. е. до занятія Пугачевымъ Курмыша, Саранска и Пензы, прибылъ въ Саратовъ отряженный еще въ мартѣ мѣсяцѣ ген.-аншефомъ Александромъ Ильичемъ Бабиковымъ въ селеніе Малыковку (что нынѣ г. Вольскъ) съ спеціальною цѣлю перехватить Пугачева въ случаѣ его набѣга на Иргизъ, — гвардіи Преображенскаго полка поручикъ, Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

По словамъ Пушкина, чинъ гвардіи поручика, рѣзкій умъ и пылкій характеръ доставили Державину важное вліяніе на общее мнѣніе. Позволимъ себѣ къ этому прибавить, что и полное довѣріе къ Державину его начальниковъ: князя Щербатова, князя Голицына и Павла Потемкина, постоянно и особенно одобрявшихъ все его распоряженія, могло много содѣйствовать къ упроченію авторитета его въ Саратовѣ. Немалое значеніе въ этомъ случаѣ могли имѣть и близкія, если не дружественныя отношенія Державина къ Лодыжинскому, которыя нетрудно уловить изъ характера и тона всей переписки, бывшей тогда между ними и помѣщенной въ V томѣ сочиненій Державина.

Астраханскій губернаторъ П. Н. Кречетниковъ, уѣзжая 25-го іюня изъ Саратова, поручилъ охраненіе города коменданту Бошняку, но съ тѣмъ, чтобы онъ совѣщался съ другими начальниками и дѣйствовалъ съ общаго согласія.

По полученіи извѣстія о раззореніи Казани, Лодыжинскій, по предложенію Державина, который смотрѣлъ на него какъ на старшее лицо въ городѣ, созвалъ совѣтъ для обсужденія мѣръ обороны города.

Приглашенный на совѣщаніе, бывшее 24-го іюля, комендантъ Бошнякъ былъ того мнѣнія, что надо укрѣпить городъ валомъ и дожидаться нападенія. Державинъ и другіе находили, что по

¹⁾ Сочиненія Державина, V томъ, стр. 143. Ниже мы помѣщаемъ достоверныя свѣдѣнія о родѣ и происхожденіи саратовскаго коменданта И. К. Бошняка, нѣсколько несогласныя съ сдѣланнымъ здѣсь указаніемъ; — онъ происходилъ изъ греческихъ дворянъ.
Н. С.

обширности и положенію города укрѣпить его въ короткое время невозможно и нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни войска, ни артиллеріи, для занятія такого значительнаго пространства, какъ окружность города Саратова. Поэтому было положено, въ случаѣ приближенія мятежниковъ, идти къ нимъ навстрѣчу вооруженною силою, а чтобы укрыть казенныя деньги и безоружныхъ жителей, построить ретраншементъ близъ города, на берегу Волги, у конторскихъ магазиновъ и казармъ. Лодыжинскій, какъ бывшій инженеръ, составилъ и планъ укрѣпленія. Бошнякъ согласился дать рабочихъ и инструменты.

Державинъ на другой день поѣхалъ обратно въ с. Малыковку, а Бошнякъ, получившій между тѣмъ отъ князя Щербатова извѣщеніе, что Саратовъ въ опасности, нашелъ въ этомъ предлогѣ отступить отъ неохотно подписаннаго имъ постановленія бывшаго 24-го числа совѣщанія.

Отказъ коменданта дать рабочихъ побудилъ Лодыжинскаго и его сторонниковъ вызвать въ Саратовъ Державина, въ надеждѣ, что онъ нагонитъ страхъ, а на новомъ, при участіи купечества и членовъ нисовой соляной конторы, совѣщаніи, бывшемъ 27-го іюля, первоначальное опредѣленіе было возобновлено, хотя его Бошнякъ не подписалъ. На средства купечества стали строить укрѣпленіе. Бошнякъ, при извѣстіи, что Пугачевъ уже въ Алатырѣ и направляется къ Саратову, согласился имѣть около провіантскихъ магазиновъ небольшое укрѣпленіе, но считалъ все-таки нужнымъ возобновить городской валъ, окружающій городъ, поставивъ на немъ батареи; Лодыжинскому же сообщилъ 28-го числа, что, какъ комендантъ, онъ не можетъ оставить города и церквей, остроговъ и складовъ вина на расхищеніе злодѣямъ, и затѣмъ, отказавшись отъ предположенія устроить укрѣпленіе около провіантскихъ магазиновъ, приступилъ къ работамъ по возобновленію вала и объявилъ полученный отъ Кречетникова ордеръ о подчиненіи ему, коменданту, всехъ жителей.

Раздраженный упорствомъ коменданта Державинъ, вернувшись въ Саратовъ 30-го іюля, написалъ заносчивое и извѣтельное письмо Бошняку отъ 31-го іюля (см. V томъ сочиненій Державина, № 151, и приложеніе 5-е «къ Исторіи Пугачевского бунта», А. С. Пушкина), доказывая, что комендантъ совершенно несвѣдуецъ въ инженерномъ дѣлѣ, и объявляя ему, что онъ, Державинъ, со всеми под-

писавшими опредѣленіе, принимаетъ отвѣтственность въ принятомъ рѣшеніи. Не ограничиваясь этимъ, Державинъ внесъ 1-го августа предложеніе въ магистратъ объ устройствѣ укрѣпленія. Магистратъ поддержалъ домогательство Державина: укрѣпленіе начали строить; но комендантъ остановилъ работы и жаловался губернатору Кречетникову на своихъ противниковъ и въ томъ числѣ на Державина, который, по его словамъ, «поносилъ его, коменданта, ругательными и весьма безчестными словами и намѣревался арестовать».

Считаемъ лишнимъ подробно излагать дальнѣйшій ходъ событий въ Саратовѣ, вполне обстоятельно изложенный въ статьѣ Я. К. Грота; упомянемъ лишь вкратцѣ, что Державинъ, послѣ неудачнаго своего похода къ Петровску, озабоченный экстренными дѣлами, выбылъ 5-го августа въ Малыковку, а 6-го августа Саратовъ занялъ Пугачевымъ.

Храбрый комендантъ Бошнякъ, несмотря на измѣну казаковъ, гарнизона и самихъ жителей Саратова, не сдался, а съ оставшимися вѣрными долгу службы 60-ю офицерами и солдатами, съ оружіемъ въ рукахъ, пробрался сквозь толпы мятежниковъ къ Волгѣ, отправилъ казну и дѣла въ Астрахань, а самъ, 11-го августа, водою прибылъ въ Царицынъ.

Три лица, касавшіяся вышеприведеннаго эпизода, отозвались различно, оцѣнивая поступки Державина и Бошняка.

А. С. Пушкинъ очевидно не одобряетъ образъ дѣйствія Державина въ Саратовѣ; онъ говоритъ: «Державинъ успѣлъ добраться (съ пути въ Петровскъ) до Саратова, а оттуда на другой день выхалъ вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, оставя защиту города на попеченіе осмѣяннаго имъ Бошняка» (стр. 196, т. VI сочин. Пушкина, изд. П. В. Анненкова, 1855 г.).

Графъ Саліасъ («поэтъ Державинъ, правитель намѣстничества», IX и X кн. «Русс. Вѣст.» 1876 года), говоря, что сдѣланное Державинымъ во время Пугачевщины не имѣло большаго значенія, прибавляетъ: «Кромѣ смѣшнаго столкновенія съ комендантомъ города Саратова, Бошнякомъ, котораго онъ хотѣлъ заставить насильно возвести укрѣпленіе въ городѣ, не имѣя никого для ихъ защиты—мы не находимъ ничего интереснаго».

Я. К. Гротъ, въ статьѣ «Эпизодъ изъ Пугачевщины», не рѣшаетъ вопроса положительно о томъ, кто былъ правъ, кто виновать, но при этомъ говоритъ: «мы не знаемъ, чѣмъ кончилось

бы дѣло, еслибы принято было предложеніе Державина идти на встрѣчу Пугачеву и сразиться съ нимъ въ полѣ, но знаемъ что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступка Бошняка: вмѣсто того, чтобы, по желанію самого губернатора, энергически дѣйствовать за-одно съ другими, комендантъ посылалъ за нѣсколько сотъ верстъ просить разрѣшенія у своего начальника. Бошнякъ, благодаря Кречетникову, нашелъ сильнаго заступника въ графѣ П. И. Панинѣ, въ глазахъ котораго Державину сильно повредила его ссора съ комендантомъ. Князь Голицынъ, какъ и Потемкинъ, былъ совершенно на сторонѣ нашего поэта, но это тѣмъ болѣе вооружило противъ него Панина, нерасположеннаго къ обоимъ».

Наконецъ, въ V томѣ сочиненій Державина, на стр. 143, находимъ слѣдующее замѣчаніе Я. К. Грота: «Безпечность Бошняка сдѣлалась пагубною Саратову».

Мы весьма далеки отъ того, чтобы взять на себя произнесеніе суда надъ обѣими почтенными личностями, когда на это не рѣшился авторъ «Эпизода изъ Пугачевщины».

Скромная задача наша не выходитъ изъ предѣловъ желанія пополнить матеріалы, касающіеся приведеннаго эпизода, сопоставленіемъ нѣкоторыхъ фактовъ, уже извѣстныхъ читателямъ изъ напечатанныхъ документовъ и изслѣдованій, и помѣщеніемъ тѣхъ собственно документовъ, которыми особенно дорожилъ саратовскій комендантъ и которые хранятся въ семейномъ архивѣ его потомковъ.

Выполняя первую предположенную нами задачу, мы не можемъ обойти молчаніемъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Весь ходъ столкновеній и пререканій, бывшихъ между поручикомъ Державинымъ и саратовскимъ комендантомъ, показываетъ, что такое явленіе въ столь серьезную для правительства, и вообще всего народа, минуту могло имѣть мѣсто лишь при полнѣйшемъ отсутствіи мѣстнаго единоначалія или единоначалія. И дѣйствительно, сколько мы ни вчитывались въ разные ордера и инструкции, даже секретныя, данныя Державину, мы не могли ясно себѣ усвоить: какимъ образомъ молодой поручикъ Державинъ, имѣя порученіе стеречь побѣгъ Пугачева на Иргизъ, считалъ себя отдѣльнымъ начальникомъ, не подчиненнымъ ни мѣстному губернскому, ни мѣстному воинскому начальствамъ, и, какъ ка-

жется, имѣлъ нѣкоторое стремленіе считать себя неполнѣйшимъ даже самому главнокомандующему, графу П. И. Панину, ибо въ перепискѣ съ Бошнякомъ ссылался на то, что дѣйствуетъ по секретной комисіи, имѣющей порученія отъ самой императрицы, и что его требованія всѣ обязаны исполнять. Неменьшая неурядица царствовала и въ Саратовѣ, въ которомъ распоряжались двое: комендантъ, имѣвшій своего начальника въ астраханскомъ губернаторѣ, и Лодыжинскій, у котораго было свое особое начальство въ Петербургѣ.

Если Державина нельзя обвинять въ томъ, что его инструкціи были неполнѣйшия и опредѣленны, равно какъ и его служебныя отношенія къ мѣстнымъ властямъ, нельзя того же сказать о его образѣ дѣйствія въ Саратовѣ. Изъ письма Державина къ Лодыжинскому, еще отъ 7-го іюля 1774 г. (№ 126, въ V томѣ сочиненій Державина), видно, что онъ, по выѣздѣ изъ Саратова губернатора Кречетникова, сталъ сноситься не случайно, а намѣренно, съ полнымъ сознаніемъ, не съ комендантомъ, а съ главноприсутствующимъ конторы опекунства иностранныхъ колонистовъ, статскимъ совѣтникомъ Лодыжинскимъ, поясняя, что онъ, Лодыжинскій, «въ городѣ особа всѣхъ старшая болѣе всѣхъ власти и команды имѣющая».

И такъ, если сѣмя раздора и починъ двоевластію еще прежде существовали въ г. Саратовѣ, то, во всякомъ случаѣ, нашъ высокообразованный и даровитый поэтъ сѣмя этого раздора укрѣпилъ, а двоевластіе какъ-бы узаконилъ.

Далѣе, всякій согласится, что авторитетъ мѣстныхъ начальниковъ съ появленіемъ мятежниковъ падалъ ежеминутно и что это окончательно губило дѣло. Во все время пребыванія въ Саратовѣ, Державинъ, несмотря на высокое свое положеніе особа довѣреннаго лица и офицера гвардіи, авторитета законнаго начальника гор. Саратова ни въ чемъ не поддержалъ, а заручался протестами его противниковъ и горожанъ, значительно, если не окончательно, уронилъ. Могли ли довѣрять коменданту во время критической минуты жители г. Саратова и воинскія команды, когда за нѣсколько сутокъ передъ тѣмъ Державинъ, по донесенію Бошняка, всяческими «ругательными и весьма безчестными словами его поносилъ и бранилъ и намѣревался какъ осужденнаго арестовать».

Конечно трудно сказать, что случилось-бы, еслибы приняли предложеніе Державина относительно способа защиты города, такъ какъ изъ всей команды 700 человѣкъ—надежныхъ оказалось около 60. Быть можетъ, такая горсть людей не въ силахъ была бы устоять въ полѣ противъ толпы болѣе чѣмъ въ 10,000 человѣкъ и удержать ретраншементъ близъ казармъ точно такъ же, какъ они не устояли и за укрѣпленіями городского вала.

Далѣе, намъ говорятъ, что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступковъ Бошняка, но вѣдь тоже можно сказать, что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступковъ Державина. Послѣдній намѣревался арестовать коменданта какъ измѣнника. Бошнякъ, положимъ, если и могъ не быть стратегикомъ, но онъ не оказался измѣнникомъ, ниже трусомъ, чему несомнѣннымъ доказательствомъ служатъ какъ его геройское отступленіе и доставленіе казеннаго имущества въ Астрахань, такъ и приведеніе вѣрной команды въ Царицынъ, на который велъ свое наступленіе непріятель. Наконецъ, не меньшимъ подтвержденіемъ сему служатъ тѣ почести и награды, которыхъ удостоился комендантъ, защищавшій свой городъ. Принятіе такой мѣры, какъ арестованіе начальника города младшимъ по службѣ лицомъ и притомъ заѣзжимъ, могло бы найти себѣ оправданіе лишь только при очевидной измѣнѣ такого начальника.

Здѣсь мы не можемъ умолчать и о несправедливомъ укорѣ Державину, который проглядываетъ въ словахъ А. С. Пушкина, намекающихъ на постыдное какъ бы удаленіе его изъ Саратова 5-го августа, наканунѣ погрома города. Несомнѣнные документы, приводимые въ статьѣ Я. К. Грота, вполне, кажется, снимаютъ этотъ незаслуженный Державиннымъ укоръ.

Обращаемся ко второй нашей задачѣ.

II.

Въ числѣ документовъ, хранящихся, какъ мы выше сказали, въ семейномъ архивѣ потомковъ Ивана Константиновича Бошняка, собственно касающихся занимающаго насъ эпизода—пять, изъ которыхъ одинъ, а именно ордеръ графа П. И. Панина Державину, отъ 12-го октября 1744 г., былъ трижды напечатанъ, а именно: въ «Саратовскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» 1844, № 9, въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», томъ LXVIII, 1850, отд. VI, ст. 25, и въ V томѣ сочиненій Державина, за № 264, на стр. 251. Остальныхъ четырехъ документовъ мы въ печати нигдѣ не встрѣчали. Ордеръ отъ 12-го октября, по тѣсной связи его содержанія съ вопросами, въ настоящей статьѣ затронутыми, и по особенно любопытному вообще его содержанію, приводится нами въ настоящей статьѣ по тексту того самаго списка, который нами отысканъ въ бумагахъ саратовскаго коменданта.

I. Реляція гр. Петра Ивановича Панина.

19-го августа 1774 г., № 8.

«Державнѣйшая императрица, самодержица всероссійская, всемилостивѣйшая государыня! Полученные мною рапорты отъ полковника Михельсона и подполковника Муфеля, при выѣздѣ моемъ изъ Москвы, при семъ въ оригиналѣ всеподданнѣйше подшошу, такъ какъ и копію съ рапорта Царицынскаго Коменданта въ государственную военную коллегію писаннаго, съ которымъ курьеромъ я ночесъ¹⁾ въ городѣ Коломнѣ повстрѣчалъ, должностію моею поставилъ распечатать, и снявъ копію у сего-жъ В. И. В., по важности содержанія его, поднести. Соизволите высоч—ше В. И. В. усмотрѣть какъ о несчастливомъ похищеніи города Саратова, государственнымъ злодѣемъ, такъ особливо примѣтить, что во ономъ оказалось первоначальное измѣнническое предательство, не толь отъ козаковъ, но и отъ регулярныхъ войскъ В. И. В., какъ гарнизонныхъ, такъ паче и отъ полевой артиллерійской тамъ бывшей команды съ нѣкоторыми ихъ проклятыми офицерами. Въ семъ случаѣ, безпредѣльна мое къ В. И. В. вѣрность и усердіе объявъ меня разными поражениями, первую мнѣ всеподданническую должностію внушили представить В. И. В., что время уже настало противу тѣхъ прельщеній, которыми злодѣй достигаетъ, видно до уловленія поползновенныхъ душъ и въ самыхъ регулярныхъ войскахъ и ихъ офицерахъ, оказующимъ противу сего злодѣя отличную къ В. И. В. и Государству службу и вѣрность не различать съ службами предъ В. И. В. противу вѣрнѣйшихъ непріятелей и получившими за оную побудительные къ чести и славѣ отличные знаки монаршаго благоволенія, при

¹⁾ Т. е. въ послѣднюю ночь

чемъ дерзая напоминуть о деташаментѣ полковника Михельсона, котораго всѣ штабъ, оберъ-офицеры и рядовые гораздо больше десяти разъ злодѣя противу себя въ превосходнѣйшихъ силахъ съ великимъ мужествомъ и неутомленіемъ, трудами разбивали, да и теперь главнѣйшую надежду на сей деташаментъ полагаю, ожидая о томъ ежеминутнаго извѣстія; а надѣюсь, что отъ сего деташаментнаго командира по прежней командѣ доведены В. И. В. были объ отличившихся съ нимъ въ храбрости и вѣрности штабъ и оберъ-офицеровъ и о многотрудностяхъ всѣхъ его подчиненныхъ, то хотя по всемилостивѣйше снабженной отъ В. И. В. мнѣ полной мочи и могу симъ нѣкоторыя поощренія сдѣлать, однакожь не сравниваются въ сердцахъ у поданныхъ съ пріобрѣтенными отъ монаршаго престола и благоволенія.

«Сейчасъ вступая я отсель въ послѣднее продолженіе моего пути и завтра къ вечеру достигну до деташаментна мною предводимаго. А мнѣю уже рапорты, что съ деташаментами полковникъ Древицъ надѣюсь промывалъ Шацкъ, а князь Голицынъ Сызрань, посѣщая все со всеудобноможными силами въ ту сторону, гдѣ самъ государственный злодѣй теперь обращеніе свое имѣеть и усилился; но при семъ положеніи больше всего меня теперь безпокоитъ, всемилостивѣйшая государыня, что край бунтующихъ Башкирцевъ и другихъ съ ними народовъ, остался теперь отъ меня въ такой отдаленности, подъ надзираніемъ одного генераль-маіора Фреймана, ибо генераль-маіоръ Потемкинъ, котораго прозорливость въ воинскомъ искусствѣ меня лучшебъ могла успокоивать и который полевую команду, хотя самовольно на себя принявъ, но опасаясь, что порученная ему секретная комиссія не допуститъ его отъ себя отдаляться и я того ему приказать не могъ. Въ разсужденія чего весьма-бъ не бесполезно было естли-бъ соизволили указать кого надежнѣйшаго изъ генераль-поручиковъ, избравъ къ главному въ томъ краѣ надзираю, до приближенія моего отпривать на почтѣ. Всемилостивѣйшая государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ. Графъ Петръ Панинъ. № 8. Августа 19 дня 1774 г.»

II. Ордеръ гр. Петра Ивановича Панина лейбъ-гвардіи поручику Державину.

Свѣбурскъ, октября 12-го числа 1774 г.

«Рапортъ вашего благородія ко мнѣ пушечной. отъ 5-го числа со всѣми предложеніями я получилъ.

«По весьма великой его подлинно обширности конечно имѣли въ настоящую причину подумать, что при моемъ нынѣшнемъ многозаботномъ Ея Императорскому Величеству служенію можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдало ваше обо мнѣ благое заключеніе. Я при полученіи его, что уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся; но другую половину неоставилъ употребить въ самое внятное его прочтеніе.

«Къ сожалѣнію моему, потому чистосердечію, которое я непремѣннымъ себѣ закономъ особливо въ должностяхъ службы поставляю, принужденъ я вамъ симъ открыться.

«Все оного пространство ничего во мнѣ другаго не произвело какъ призываніе, что вы больше несчастливы, нежели украсительныя слова во ономъ рапортѣ вамъ послужили, потому что сколь подлинно, что они самая выбранная

и довольно краснорѣчиваго искусства въ себѣ имѣютъ, но и то неоспоримая правда, что сколь ваши намѣренія, которыя вы тѣмъ красноречіемъ изъясняли не были благи и усердны къ ползѣ отечества, но, по несчастію вашему, для чего вы ихъ употребляли, во всемъ томъ противное вамъ, произошло, ибо злодѣи вами неповманъ и всѣ тѣ мѣста были темъ похищены и разорены, для соблюденія которыхъ преступали вы предѣлы и чина и власти вамъ порученной, вступаясь въ чужія и вамъ не принадлежащія должности, наставляя и предосуждая людей, имѣющихъ чины выше вашего и практику въ настоящихъ дѣлахъ предъ вами превосходную, отчего обыкновенно болѣе происходить поврежденія въ настоящихъ дѣлахъ, нежели поправленія оныхъ. Я по такому моему о всемъ томъ вниманію и по нежеланію отступитъ отъ употребляемыхъ мною всегда по службѣ должности моей чистосердечію и откровенности, теперь и нахожу себя вынужденнымъ сказать вамъ сіе.

«Въ доказательство тому, что вы истинно желали положить и нещадитъ никакъ живота своего въ службѣ Е. И. В. вами воспріятой противъ врага Ея и всей Имперіи, будутъ служить только одни слова, а комендантъ Саратовской имѣеть то, что онъ непокидалъ своего города и защищалъ его не токмо до самой послѣдней крайности, но и при сущей измѣнѣ и предательствѣ къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми вернѣйшими и усерднѣйшими къ Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ рабами прошелъ съ оружіемъ въ рукахъ сквозь всю столь много ужасающую злодѣйскую толпу въ такую опять крѣпость, на которую злодѣи, по примѣчанію устремлясь жь (устремился же), а не туда, гдѣбъ онъ безопасенъ былъ, почему и представляется мнѣ, что гораздо лутче сему коменданту предъ военной судѣ явится естлибъ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъясненію вами желанія военнаго суда, ибо регулы военные да и всѣ протчіе законы приемлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность болше существительнаго дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердець, изъясляемыхъ словами, чего ради по истинному къ вамъ усердію совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военной судѣ.

«Притомъ рекомендую въ теперешнемъ моемъ началствѣ надъ сдѣшними войсками и тремя губерніями не употреблять вамъ себе ни совѣтами, ни вѣщію ни вканія дѣла, которыя вамъ точно отъ мѣсть и персонъ настоящую власть имѣющихъ препоручены не будутъ и пылкость смѣлости вашей убавитъ въ разсужденіяхъ, представленіяхъ и толкованіяхъ о дѣлахъ вашей должности непрепорученныхъ и къ чинамъ и заслугамъ выше вашего настоящаго состоянія, увѣрясь совершенно, что и при дарованіи небесъ самого лучшаго разума, какъ къ краснорѣчію и представленію вещей въ хорошемъ видѣ, потребны токмо наука и выборъ словъ, такъ насупротивъ къ существительному произведенію безошибочно и съ вѣрностію дѣла надобно напередъ испытаніе себя самого въ существительнѣйшемъ же дѣйствіи, къ чему и руководствуетъ болѣе всего практика, а потому добродѣтель и благоразуміе научаеъ, чтобъ въ неиспытанныхъ собою дѣлахъ меньше или и вовсе на себя не надѣяться, но искать пріобрѣсти спознаніе оныхъ чрезъ людей въ практикѣ упражняющихся.

«Впротчемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградила, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей великой Государыни и отечеству и по той искренности съ которую я пребыть желаю, какъ теперь съ почтеніемъ есмь. Октября 12 дня 1774 году. Сибирскъ».

III. Выписка изъ реляціи къ Императрицѣ Екаторинѣ II.

Октября отъ « » числа (1774 г.).

«Смѣю притомъ всемилостивѣйшая государыня ¹⁾ о семъ комендантѣ съ подчиненными ему офицерами, пробившимися сквозь злодѣя то присовокупить, что они въ точности исполнили и заслугу свою показали по настоящей своей В. И. В. присягѣ, гдѣ каждой обѣщается и долженъ, въ потребномъ случаѣ, нещадитъ своего живота, и гдѣ отъ всякаго требуется не витійственныхъ словъ и вмѣшиванія въ чужія себѣ не принадлежащія и выше своего званія должности и дѣла, но существительныхъ всякаго по своему званію дѣйствъ и безмолственнаго повиновенія одному другому по предписанному въ регулахъ порядку, отъ которыхъ кажется мнѣ при приближеніи злодѣя на Саратовъ далеко было отступлено собираніемъ совѣтовъ съ приглашеніемъ купечества. Усердіе мое по истинномъ соблюденіи установленнаго отъ В. И. В. безмолственныхъ повиновеній по формѣ правительства самодержавной власти и по чинамъ одного надъ другимъ установленными, не могъ я воздержатся, чтобъ Державину не сдѣлать такого предложенія, какое Вы изволите здѣсь въ копіи усмотрѣть и Саратовскому коменданту дать повелѣніе, чтобъ онъ тамошнихъ купцовъ Кобякова и Протопопова прислалъ сюда скованныхъ, которыхъ неоставлю я распросить, для чего они дерзали посылать къ злодѣю депутата, противурѣчитъ коменданту и неповиноваться ему въ должностномъ безмолвіи: что они отвѣтствовать будутъ, принесу всеподданнѣйше къ В. И. В. и стану ожидать Манаршаго о нихъ повелѣнія».

IV. Реляція къ Императрицѣ Екаторинѣ II.

Ноября 18-го дня 1774 г. № 29.

«Изъ прежнихъ моихъ всеподданнѣйшихъ донесеній В. И. В. извѣстно, произшедшая при нападеніи государственнымъ злодѣемъ на городъ Саратовъ отъ артиллерійской полевой команды измѣна и переходъ къ злодѣю съ нѣкоторыми ея офицерами, а о другихъ изъ оныхъ оставшихъ въ непреткновенной вѣрности къ В. И. В. и проходившихъ съ оружіемъ въ рукахъ сквозь злодѣйскую толпу съ комендантомъ оного города Бошнякомъ, я тогда, когда изъ оныхъ измѣнниковъ оставшія въ живыхъ были приведены плѣнными, послѣ порожения злодѣя подъ Чернымъ-Яромъ, приказалъ произвестъ надъ ними скорорѣшительной генеральной фергеръ и кригсрехтъ генераль-майору и кавалеру тамъ случившемуся Мансурову, оной и вступилъ ко мнѣ нанѣ съ заключенною сентенціею. Я не приступая собственною моею по ней конфирмаціею какъ о произшедшемъ злодѣйствѣ двухъ цѣлыхъ ротъ полковыхъ войскъ В. И. В. состоящихъ по настоящей своей службѣ подъ особливымъ военноточайнымъ равнаго жь моему военнаго званія; для того при семъ дерзая препроводить во особливомъ кувертѣ оной кригсрехтъ оригинально, а здѣсь всеподданнѣйше включаю мое должное мнѣніе на заключенную въ немъ сен-

¹⁾ Написано слово «государыня» подъ титломъ.

«Русская старина», томъ XLVI, 1879 г., октябрь.

тенцію къ высочайшему монаршему усмотрѣнію и милосердію со всеподданнѣйшимъ испрашиваніемъ В. И. В. повелѣнія мнѣ ли приказать въ рѣшеніе привести оную экзекуцію, или угодно будетъ повелѣть ту сентенцію, гдѣ въ другомъ мѣстѣ просмотрѣть и подтвердить, а мнѣ всемилостивѣйше преподать о томъ свѣдѣть, по содержанію между тѣмъ оныхъ преступниковъ подъ стражею войскъ въ моемъ вѣдѣніи теперь состоящихъ.

Рѣченной Саратовскій комендантъ Бошнякъ, о коемъ всеподданнѣйше ссылаюсь на прежнія мои довенія о проходѣ его съ ружьемъ сквозь злодѣя не въ иное какое отдаленное мѣсто, но въ ближайшій къ своему городъ Царицынъ, на которой злодѣй нападеніе свое клонилъ, а и тамъ будучи противъ онаго сраженія и къ защищенію города вспомоществовалъ, возвратясь оттуда пріѣзжалъ ко мнѣ со испрашиваніемъ повелѣнія о себѣ; я по онымъ обстоятельствамъ непримѣчая въ нихъ его преступленія приказалъ ему возвратиться и вступить въ прежнюю свою комендантскую въ городѣ Саратовѣ должность, повергая впрочемъ всеподданнѣйше его самого и обстоятельство съ нимъ случившееся въ высочайшее В. И. В. монаршее соизволеніе.

Пятый документъ—подлинное письмо графа Петра Ивановича Панина къ полковнику Бошняку за собственноручнымъ подписаніемъ графа Панина, отправленное изъ Москвы въ январѣ мѣсяцѣ 1775 года, полученное (вѣроятно, въ Саратовѣ) 12-го февраля. Изъ письма этого видно, что и сама Императрица посмотрѣла на поступокъ саратовскаго коменданта съ точки зрѣнія, выраженной графомъ Панинымъ въ приведенныхъ выше его реляціяхъ и ордерѣ поручику Г. Р. Державину.

Письмо это слѣдующаго содержанія ¹⁾.

«Государь мой Иванъ Константиновичъ! Усердіе мое къ воспоспѣшествованію на справедливое удовлетвореніе оказанной вашей весьма знаменитой заслуги къ Ея Императорскому Величеству и отечеству вѣрности и храбрости при супротивленіи противу бунтовщичьяго нападенія на городъ Саратовъ, заставило меня поспѣшить сказать вамъ здѣсь тѣ точныя слова, которыя я во вчерасъ полученномъ мною собственноручномъ Ея Императорскаго Величества писаніи съ высочайшими резолюціями на мои разныя приношенія, воспріять о васъ удостоился. Они состоятъ въ семь: Саратовскому Коменданту Бошняку, я назначила дать деревни ²⁾, симъ поздравляю я васъ отъ всего сердца и съ тѣмъ моимъ расположеніемъ, что пребуду всегда съ почтеніемъ и искренностію, вашего высокоблагородія, государя моего, вѣрнымъ слугою Графъ Петръ Панинъ». «Генваря < > дня 1775 года. Москва».

Помята: «Полуцено Февраля 12 шествертокъ».

¹⁾ Какъ оригинальный документъ письмо это печатается буквально безъ исправленія описокъ, или какихъ другихъ поправокъ старинной орфографіи.

²⁾ Въ письмѣ изъ Саратова отъ 26-го марта 1775 г. премьеръ-маіоръ саратовскаго баталіона Зоргеръ сообщалъ Державину, что императрица пожаловала Бошняку 370 душъ крестьянъ, а жень его 2,000 руб., ему за нападеніе на Саратовъ Пугачева, а ей—что лишилась имущества (стр. 264, V-го тома сочиненій Державина, № 276).

III.

Считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя свѣдѣнія о родо-вомъ происхожденіи саратовскаго коменданта, полковника Ивана Константиновича Бошняка, и о его потомкахъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Константинъ Карловичъ Бошнякъ,—весьма образованный и всеми уважаемый въ Костромской губерніи предводитель дворянства, сначала перехтскій уѣздный (1832—1848), а затѣмъ и губернской (1848—1851 г.).

Свѣдѣнія о родѣ Бошняковъ извлечены изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ семейномъ архивѣ, какъ-то: грамотъ, патентовъ на чины, копій съ послужныхъ списковъ, разныхъ юридическихъ актовъ и т. п., и показываютъ, что вышеприведенное указаніе—что саратовскій комендантъ, полковникъ Иванъ Константиновичъ Бошнякъ, былъ родомъ славянинъ изъ Македоніи,—не вѣрно.

Подлинная грамота Молдавскаго господаря, Александра Маврокордата, выданная въ Яссахъ 4-го августа 1786 года на имя полковника Ивана Бошняка (бывшаго саратовскаго коменданта), удостовѣряетъ, что родъ сего послѣдняго въ нѣсколькихъ уже поколѣніяхъ дворянской, а отецъ его, Константинъ, прибывшій при Петрѣ Великомъ изъ Греціи съ княземъ Кантемиромъ для службы русскому правительству, происходилъ изъ греческаго дворянскаго рода Кондосколиди. Далѣе указывается въ той же грамотѣ, что Константинъ Кондосколиди, вскорѣ по прибытіи въ Россію, умеръ, оставивъ въ г. Нѣжинѣ двухъ сыновей, Ивана и Николая, которые по семейнымъ причинамъ приняли фамилію ихъ крестнаго отца Бошняка.

Затѣмъ изъ прочихъ документовъ видно:

I. Константинъ Даниловичъ Кондосколиди выѣхалъ съ княземъ Кантемиромъ къ Петру Великому на р. Прутъ и водворился въ г. Нѣжинѣ; женатъ былъ на Дарьѣ Степановнѣ; умеръ въ 1728 году; у него было два сына: Николай и Иванъ.

II. а) Николай имѣлъ двухъ дочерей и троихъ сыновей: Григорія, Константина и Ивана.

б) Иванъ родился въ 1717 году. Въ службу вступилъ капраломъ въ Сербскій гусарскій полкъ въ 1735 г. Произведенъ: въ

прапорщики въ 1739 г.; въ поручики въ 1741 г.; въ капитаны въ 1748 г.; въ премьерь-маіоры въ 1760 г.; въ подполковники въ 1763 г., и въ полковники въ 1770 г. Зная греческій языкъ, сопровождалъ въ Петербургъ, послѣ взятія Очакова и Хотина, Сераскиръ-пашу и Кончакъ-пашу. Съ 1771 по 1788 г. былъ саратовскимъ комендантомъ. Уволенъ отъ службы 6-го іюля 1788 г. Былъ въ походахъ: въ Турціи, Швеціи, Пруссіи и Польшѣ. Былъ женатъ на митавской уроженкѣ, Аннѣ Даниловнѣ фонъ-Шредерсъ, и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей: Карла и Николая, и двухъ дочерей, Марію, замужемъ за морскимъ офицеромъ Карломъ Дункертомъ, и Софію, замужемъ за московскимъ комендантомъ, генераль-поручикомъ Христофоромъ Ивановичемъ Гейвингомъ. Имѣнія Ивана Константиновича значатся: въ Саратовскомъ уѣздѣ, деревня Озерокъ, и Полоцкаго намѣстничества, въ Себежскомъ уѣздѣ, въ Прихвостской части, нѣсколько деревень.

Оба брата, и Николай, и Иванъ Кондосколиди, остались послѣ смерти ихъ отца малолѣтними и были воспитаны ихъ крестнымъ отцемъ Бошнякомъ, который «ставилъ на русскую армію сукна изъ Турціи и получилъ великія выгоды и чины и грамату отъ Петра Великаго». По крестному отцу братья Кондосколиди стали прозываться Бошняками.

Ш. а) Карлъ Ивановичъ Бошнякъ. Воспитывался въ Митавѣ (родина его матери фонъ-Шредерсъ) на счетъ герцога Бирона¹⁾. Вступилъ въ военную службу въ 1771 году—вахмистромъ въ Казанскій кирасирскій полкъ. Въ 1775 году опредѣленъ уѣзднымъ землемѣромъ въ Костромское намѣстничество. Былъ стряпчимъ въ ярославской верхней расправѣ, ассесоромъ ярославской палаты гражданскаго суда, засѣдателемъ ярославскаго верхняго земскаго суда. Въ 1794 г. изъ коллежскихъ ассесоровъ переименованъ въ премьерь-маіоры и опредѣленъ въ Херсонскій легко-конный полкъ, откуда въ томъ же году за болѣзнь уволенъ и опредѣленъ къ статскимъ дѣламъ. Былъ въ числѣ кавалеровъ, сопровождавшихъ Брауншвейгскую фамилію въ Данію²⁾.

¹⁾ Эрнстъ-Йоганнъ Биронъ, курл. герцогъ, графъ Римской имперіи и регентъ, родился 23-го ноября 1690 г., умеръ 18-го декабря 1772 г. Н. С.

²⁾ Семейство Антона Ульриха, послѣ его смерти (1776 г.), было отправлено въ Данію изъ Холмогоръ на фрегатѣ «Полярная звѣзда», 30-го іюля 1780 г. («Русская Старина» 1873 г., томъ VII стр. 70). Въ 1780 году Карлъ Ивановичъ

Женатъ былъ на Надеждѣ Александровнѣ Аже, дочери экономіи директора—Александра Матвѣевича Аже (внука французскаго эмигранта) и жены его, рожденной Арцыбашевой. Дѣтей у Карла Ивановича было пятеро: двѣ дочери, Надежда—дѣвица и Анна по замужеству—Дивари, и трое сыновей—Александръ, Константинъ и Иванъ.

б) Николай Ивановичъ Бошнякъ. Служилъ въ военной службѣ, въ чинѣ подполковника былъ городничимъ въ г. Полоцкѣ; женатъ на Семеновой.

IV. а) Александръ Карловичъ. Родился въ 1787 г. и еще въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ братьями зачисленъ въ конный полкъ въ 1793 г., въ которомъ и былъ вахмистромъ, а его братья вице-вахмистрами. Учился въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ. Въ 1799 году опредѣленъ юнкеромъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ для занятій въ московскомъ архивѣ. Въ 1807 г., въ чинѣ коллежскаго ассесора, состоялъ за маіора въ Вятскихъ стрѣлкахъ (земское ополченіе). Въ 1808 г. перешелъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ во 2-ю экспедицію департамента внутреннихъ дѣлъ, затѣмъ въ Главное Управленіе Мануфактуръ. Съ 1816—1820 г. былъ нерехтскимъ¹⁾ уѣзднымъ предводителемъ дворянства. Въ 1826 г. состоялъ при генераль-лейтенантѣ графѣ Витте, который завѣдывалъ тогда южными военными поселеніями. Въ 1829 г. былъ вице-президентомъ Молдаво-Валахскаго Дивана. Умеръ въ Подольской губерніи въ 1831 году.

Александръ Карловичъ, судя по оставленнымъ имъ ученымъ по ботаникѣ запискамъ и перепискѣ съ издателями ученыхъ трудовъ, былъ человекъ весьма образованный и пользовался въ этомъ отношеніи извѣстностью. (См. ниже, стр. 214—215).

б) Константинъ Карловичъ. Родился въ 1790 г. Съ трехлѣтняго возраста числился въ конномъ полку вице-вахмистромъ. Съ 1800 года—пажъ. По разсказу самого покойнаго, нами лично

Бошнякъ, въ чинѣ титулярнаго совѣтника, былъ стряпчимъ въ ярославской верхней расправѣ, а не лекаремъ, какъ онъ названъ на стр. 649, тома IV, «Русской Старины», изд. 1874 г., въ предисловіи къ изслѣдованію В. А. Полѣнова объ «отправленіи Брауншвейгской фамиліи изъ Холмогоръ въ Датскія владѣнія». Бошнякомъ сняты силуэты дѣтей Антона Ульриха, изданные при «Русской Старинѣ» изд. 1874 г.

¹⁾ Костромской губерніи.

слышанному, Константинъ Карловичъ былъ дежурнымъ пажемъ за ужиномъ, наканунѣ дня кончины императора Павла. Въ 1814 г. Константинъ Карловичъ Бошнякъ значится по документамъ ротмистромъ Польскаго уланскаго полка. Во взводѣ его, какъ самъ покойный Константинъ Карловичъ рассказывалъ и какъ это видно изъ книги г. Мордовцева (Русскія женщины XIX вѣка, стр. 113), служила извѣстная дѣвица-кавалеристъ Дурова или Александрова. Въ 1816 г. онъ вышелъ въ отставку. Съ 1832—1851 г. служилъ по выборамъ костромскаго дворянства, причѣмъ послѣдніе три года былъ губернскимъ предводителемъ. Умеръ въ 1863 г., 16-го ноября. Женатъ былъ на Еватеринѣ Дмитріевнѣ Черневой и имѣлъ трехъ сыновей: Александра, Николая и Василя, и трехъ дочерей: Надежду, Анну и Елисавету.

в) Иванъ Карловичъ. Съ дѣтства зачисленъ въ конный полкъ, питомецъ пажескаго корпуса. Служилъ въ Семеновскомъ полку въ чинѣ штабсъ-капитана. Былъ женатъ на Арцыбашевой и умеръ еще въ молодости.

У. Изъ сыновей Константина Карловича, которые всѣ нынѣ находятся въ живыхъ, — второй, отставной морской офицеръ, Николай Константиновичъ, принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ Амурской экспедиціи (1850—1855 г.) и извѣстенъ своими географическими изслѣдованіями Пріамурскаго края; а старшій сынъ Александръ Константиновичъ, обязательно намъ сообщившій документы семейнаго его архива—состоить участковымъ мировымъ судьей нерехтскаго судебного округа.

АЛЕКСАНДРЪ КАРЛОВИЧЪ БОШНЯКЪ.

Привожу письмо Губарева изъ Кромъ, отъ 14-го апрѣля 1816 г., адресованное, судя по надписи на конвертѣ, на имя Александра Карловича Бошняка.

«Вообрази себѣ, милой и любезной другъ Александръ Карловичъ, что я письмо твое, писанное изъ подъ Москвы отъ 2-го ноября 1815 года, получилъ въ Кромахъ 9-го апрѣля 1816 года, слѣдовательно можешь судить о исправности того купца Лапшина, которому ты отдалъ писаніе—со всѣмъ тѣмъ оно было для меня самымъ пріятнѣйшимъ подаркомъ къ празднику, тѣмъ болѣе, что ты льстишь меня надеждою заѣхать ко мнѣ весною въ Кромы.

«Будь увѣренъ, любезной другъ, что я всегда тебя люблю и любить буду, хотя очень давно съ тобою расстался, да и такъ давно, что ты меня считаешь

30-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, когда судьбамъ угодно было позволить мнѣ тащить 35-й годъ довольно скучной жизни.—Очень грустно мнѣ вспомнить, что въ то время, когда ты писалъ письмо и думалъ, что я въ Кромахъ, а я былъ вмѣстѣ съ тобою въ Москвѣ и не видался; я жилъ въ Москвѣ съ октября по февраль и жилъ въ трактирѣ на Кузнецкомъ мосту; вотъ, любезной другъ, видно пословица несправедлива, что суженаго и коземъ не объѣдешь, а ты для сердца моего все останешся суженымъ, со всѣмъ тѣмъ я всякой день ѣздилъ по Москвѣ и не могъ съ тобою встрѣтиться.

«Теперь скажу тебѣ, что я не ѣздя далеко все испыталъ практически, что испытать и перенести можно:

1-го) J'avais la bêtise d'entretenir une très jolie fille—истекшу времени моей страсти, выдалъ ее замужъ.

2-го) Былъ влюбленъ до безумія въ замужнюю женщину, съ усилкомъ и повѣреннымъ страсти моей, или лучше сказать духовникомъ былъ кто? не угадаешь Жуковский.

3-го) Прострѣдилъ себѣ руку и повредилъ пульсовую жилу у правой руки и отъ того остался съ изувѣченнымъ пальцомъ, ему же имя роусе.

4-го) Переломилъ себѣ правую ногу, которая въ узаконенный срокъ и срослась, такъ что я могу еще показаться на любовной смотрѣ.

5-го) J'ai été entretenu (или почти на это похожее) par une personne très laide et très riche; je viens de rompre avec NN, parce qu'elle vient de se marier.

«Вотъ тебѣ любезной краткое описаніе главнѣйшихъ эпохъ и періодовъ того времени, когда былъ съ тобою розно, жала(лъ) бы объ тебѣ услышать отъ тебя самаго, и тогда бы рассказали другъ другу безъ утайки все что съ нами случилось хорошаго и дурнаго».

«Очень радуюсь всѣмъ, потом(у)о, что ты общаешься заѣхать ко мнѣ, а я все время оной и лѣто буду въ Кромахъ или только въ 12 верстахъ отъ оныхъ въ деревнѣ Ивана Влад. Лапухина, куда за мною тотъ часъ приплывутъ какъ скоро ты приѣдешь, въ чемъ однакоже я сомнѣваюсь; тогда бы ты увидалъ истинно тебѣ любящаго и Philosophe malgré lui, т. е. меня».

«Скажу тебѣ, что я почти годъ былъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ, часто говорили про тебя и Жук. увѣренъ, что ты будешь Русскимъ Бюфономъ».

«Есть ли не полѣннися, то напиши мнѣ отвѣтъ на отвѣтъ мой и увѣдомь или лучше сказать обрадуй вѣстію о будущемъ твоёмъ прибытіи».

«Отъ Жуковскаго имѣю пакетъ и письмо, вѣрно прислалъ экземпляръ своихъ сочиненій, адресовано было въ Волховъ, на имя Плещеева отъ того, что я былъ и вездѣ и нигдѣ, теперь же получилъ нѣкоторую осѣдлость, или лучше сказать, усталъ».

«Заключу письмо, любезной другъ признаюся, что я кажется все таковъ же повѣса хоть куда, смирился не много отъ того, что былъ боленъ произвольною болѣзнію, теперь выздоравливаю и хочу быть паки Протеємъ если только удастся».

«Прощай братъ, обнимаю тебя душевно и сердечно, весь и всегда твой Губаревъ».

«P. S. Подалуй за меня ручку у бабушки и скажи что я всегда помню ея ласку и одолженія; ахъ кабы да намъ увидѣться. Пиши прямо Губареву въ Кромы, а я отвѣчать не замедлю. 1816-го года».

«Кромы 14-го апрѣля».

Второе письмо безъ года отъ 13-го апрѣля за подписью Бюффона, слѣдующаго содержанія.

«Monsieur. Vos recommandations valent mieux que des titres d'honneur ou des lettres de change, puisqu'elles me procurent en meme temps des éloges et de l'argent; quelque bonnes que soient ces deux choses, je vous proteste Monsieur que j'en suis encore moins flatté que des sentimens de bonté et d'estime, dont vous voulez bien m'honorer; et que je vous supplie de me conserver en faveur de mon très ancien attachement pour vous et pour toute votre maison. J'ai été enchanté du grand succès qu'a eu dans le public l'éloge de Monsieur votre pere. Si je connoissais moins votre noble modéstie j'oserais vous en dire d'avantage. C'est avec tout devonement et respect que j'ai l'honneur d'être, Monsieur, votre très heumble et très obéissant serviteur. Buffon. 13 Avril».

Изъ писемъ императрицы Екатерины къ Гримму («Русск. Архивъ» 1878 г., кн. № 9, стр. 77.) видно, что сынъ извѣстнаго естествоиспытателя Бюффона жилъ въ С.-Петербургѣ въ 1782 году. Не зная, отъ какого года приведенное письмо, мы не беремъ на себя рѣшить вопроса, отъ кого это письмо: отъ отца, или отъ сына.

4-го ноября 1877-го года.
Село Семеновское,
Нерехтскаго уѣзда.

Н. Н. Селифонтовъ.